

РИСКИ СОЦИАЛЬНЫХ МЕТАМОРФОЗ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.13

EDN: HBHQYA

Протестное сознание и протестная культура молодежи российского Дальнего Востока

Ссылка для цитирования: *Марин Е. Б.* Протестное сознание и протестная культура молодежи российского Дальнего Востока // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 255–281. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.13; EDN: HBHQYA.

For citation: Marin E. B. Protest Consciousness and Protest Culture of the Young People of the Russian Far East. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 255–281. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.13; EDN: HBHQYA.

SPIN-код: 4047-7133

Марин Егор Борисович^{1,2}

¹Морской государственный университет им. Г. И. Невельского, Владивосток, Россия

²Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
egor-marin@yandex.ru

Аннотация. Социальный протест является причиной конфликтов в обществе. Но он же сигнализирует о нерешенных проблемах и заставляет власти реагировать на требования общества. В истории России протест всегда играл немалую роль, причем его особенностью был крайний радикализм.

Исследование опирается на опросы молодежи, проходившие в 2020 г. и в 2024 г. на Дальнем Востоке. В выборке выявлены два типа протестантов: сторонники мирного и радикального протеста. Они являются носителями двух разных типов протестного сознания, включая ценности, представления, мотивы протеста.

Автор приходит к выводу о наличии у молодежи Дальнего Востока двух типов протестного сознания и протестной культуры: мирного типа протестного сознания и на его основе мирного гражданского протеста («культура петиций»); и радикального протестного сознания и основанного на нем, радикального протеста («культура бунта»). «Культура петиций» связана с активной гражданской позицией, интересом к политике, с легальными формами политического и общественного участия. Ее носителям присущи такие ценности как справедливость и равенство, свобода и творчество, права человека и стремление к обновлению. Культура радикального протеста определяется подданническим типом политического сознания, сильными негативными эмоциями, сильной этничностью и верой в угрозу своей национальности. Можно отметить, что носители радикального протестного сознания амбивалентны в отношении форм протеста: готовы и к мирным формам, и к радикальным. Мы интерпретируем это так: если субъект готов к более радикальным формам протеста, то приемлет и менее радикальные. А вот носители мирного протестного сознания готовы только к участию в мирном протесте (на то они и «мирные»). Радикальные формы их пугают и неприемлемы для них.

По результатам нашего исследования более распространенной в выборке является «культура петиций», что означает, что диалог власти и молодежи возможен. Также в работе изучены поколенческие особенности протестного сознания поколений «Y» (или миллениалов) и «Z» (или центениалов).

Ключевые слова: протест, Дальний Восток, мирный протест, радикальный протест, протестное сознание, поколение «Y», поколение «Z»

Актуальность

Активнее всего протестное начало в России проявлялось в периоды ослабления государственности, повышенной геополитической конфликтности, что исторически подтверждается Февральской революцией и Октябрьским вооруженным восстанием 1917 года.

Есть и такая грань проблемы протестности, как использование внешними игроками внутренних недовольных: разжигание протестной активности и т. п. А молодежь, очевидно, есть наиболее неустойчивая и подверженная манипуляциям социальная группа.

Последнее время показало новые формы и примеры протестных действий, в том числе радикальных, таких как т. н. мятеж Пригожина в июне 2023 г. Как можно полагать, феномен протестности не утрачивает своей актуальности и в наши дни. Особый интерес в связи с этим представляет позиция российской молодежи, как потенциально самой пассионарной части общества.

В данном исследовании рассматриваются факторы готовности к политическому протесту и типы протестного сознания поколений «Y» (или миллениалов) и «Z» (или центениалов). Эти поколения еще не до конца изучены как политические акторы, между тем их роль в политическом пространстве России возрастает просто в силу естественных факторов.

В свою очередь, российский Дальний Восток не так часто становится предметом внимания социологии и политологии. Между тем, это 42% территории России (при 6,5% населения), и значение этого региона в ситуации текущих геополитических изменений будет только увеличиваться, а значит будет усиливаться и внимание к нему внешних сил.

Изученность темы

Изучение механизмов протестного поведения ведется в контексте различных направлений. Можно упомянуть теорию относительной депривации Дж. Дэвиса и С. Стауффера [15]. Модель коллективной активности SIMCA (Social Identity Model for Collective Action) предполагает, что протестная мобилизация основана на гневе, вере в свои силы и социальной идентичности [16].

Модель ван Стакельберга, описывает коллективное протестное поведение как реакцию группы на обиду, в которой интегрирующую роль играет процесс идентификации [17]. В некоторых случаях политическое участие рассматривается как процесс «социального заражения»: различные формы политического поведения одной группы имитируются другими группами [18].

В нашей стране наиболее активное изучение протестности ведется социологами и политологами. Анализ и обобщение научных подходов к изучению современной российской протестности представлен, в частности, в работе В. А. Артюхиной [1].

Исследователями была установлена взаимосвязь между социально-экономическим положением и протестными формами политической активности. Так, Г. В. Барановой разработана модель анализа протестной активности, позволяющая устанавливать количественно-качественное соответствие между уровнем жизни людей, социальной напряженностью, вызванной неудовлетворенностью уровнем жизни, и протестными формами социально-политической активности с целью влияния на процессы управления развитием общества [3].

Свой подход к анализу социального потенциала протестного движения и условий позитивного разрешения социальных противоречий разработали ученые ФНИСЦ РАН. Авторы приходят к выводу, что при проведении модернизационных реформ необходимо обращать внимание на возможности социальной адаптации для населения и вести социальный диалог с обществом [13].

Феномен уличных протестов в России проанализирован А. А. Керимовым и А. А. Эбзеевым, выделившими современные тенденции и факторы российского молодежного протеста [6]. Д. В. Волков полагает, что за протестной активностью в современной России стоит запрос на модернизацию политических институтов [4].

Помимо социально-экономических и политических причин при анализе протестного поведения следует учитывать и психологические факторы. Так, О. И. Габа выделяет в протестном поведении субъективный (психологический) и объективный факторы (социально-политические условия) [5, с. 148].

В последние годы в связи с развитием информационных технологий активно изучаются особенности протестной мобилизации молодежи в цифровой среде. Разработана методика социально-психологической диагностики и прогнозирования протестного поведения молодежи в цифровом пространстве [7]. Как показано в работах А. С. Ахременко, социальные сети способны аккумулировать и концентрировать протестный потенциал. Цифровые платформы могут выступать площадками формулирования коллективных целей и идентичности. При этом сетевая позиция, статус автора оказываются важнее содержания сообщения [2].

Управление протестной активностью сегодня становится все более технологичным, мобильным, опирается на социальные медиа. Ряд особенностей протестной мобилизации в социальных медиа и технологий

манипулирования настроениями российской молодежи описаны в работах Р. В. Пармы и М. А. Давыдовой [10]. Таким образом, многие аспекты протестности уже изучаются. Однако есть и недостаточно изученные вопросы, такие как типология протестного сознания и протестной культуры молодежи.

При определении типов протестного сознания и протестной культуры мы основывались на типологии политических культур Г. Э. Алмонда. Алмонд совместно со С. Вербой выделил 4 типа политических культур: приходскую культуру, подданническую, партисипаторную (культуру участия) и гражданскую (совмещающую в себе ряд черт других трех) [14]. При подданнической культуре граждане не стремятся на что-либо влиять и всегда покорны власти, даже при неудовлетворительных результатах ее работы. Гражданская культура есть сочетание партисипаторной и подданнической культур, где элемент пассивности перед лицом власти уравнивает активность. Реальные политические культуры обычно сочетают элементы разных идеальных типов.

Протестное сознание мы рассматриваем как часть политического сознания. Говоря о протестном сознании, мы имеем в виду представления, ценности, эмоции, образы через которые субъект отражает, осваивает протестную действительность. Протестная культура включает как протестное сознание, так и сложившиеся формы протестного поведения.

Данная статья продолжает изучение протестному сознанию и протестной активности молодежи Дальнего Востока России, начатое в предыдущих наших работах [8; 9].

Эмпирическая база исследования

Статья основывается на материалах двух опросов, проведенных автором на Дальнем Востоке России: в 2020 и 2024 гг. Всего в них приняло участие 1238 человек.

Первый опрос проходил в конце 2020 г. на Дальнем Востоке. Всего в исследовании приняло участие 831 респондент в возрасте от 15 до 30 лет. В опросе участвовали представители всех регионов Дальнего Востока: Приморского, Забайкальского, Камчатского и Хабаровского краев, Амурской, Магаданской и Сахалинской областей, Еврейской автономной области, Республик Бурятия и Саха (Якутия), Чукотского автономного округа. Выборка формировалась с применением метода доступных случаев и снежного кома.

В соответствии с поколенческим подходом [11] выборка была поделена на две группы:

А. Поколение «Z» или центениалы: 453 чел. – от 15 до 19 лет.

Б. Поколение «Y» или миллениалы: 378 чел. – от 20 до 30 лет.

В ходе данного опроса мы выявили среди молодежи обоих поколений наличие двух типов протестного сознания: мирного и радикального.

Второй опрос был проведен весной 2024 г. в регионах юга Дальнего Востока (Приморский край, Хабаровский край). Число респондентов 407 чел. – от 18 до 25 лет ($n = 407$).

Респондентам была предложена пройти разработанную автором социологическую анкету. В состав анкеты входили вопросы о протестной готовности, эмоциональной реакции на политику российского государства, опыте политического и протестного участия, проблемах, в связи с которыми респонденты готовы протестовать, ценностях и установках молодых людей. Кроме того, были применены психосемантические (например, семантический дифференциал СД) и ассоциативные методики.

Для обработки данных были применены методы факторизации данных, регрессионного анализа, а также однофакторный дисперсионный анализ. Непараметрический критерий Манна-Уитни, или U-критерий, использовался для определения того, есть ли статистически значимые различия в выраженности одного признака в двух несвязанных выборках (сторонников мирного и радикального протеста). Кроме того, мы обработали СД с применением методики расчета семантических универсалий для выявления представлений молодежи о протесте.

Базовой гипотезой нашего исследования было предположение о наличии особенностей протестного сознания и протестного поведения у молодежи поколений «Y» и «Z», сравнительно с другими социальными группами. При анализе опроса молодежи Дальнего Востока в конце 2020 г. выборка была поделена на две группы: поколение «Z» или центениалы и поколение «Y» или миллениалы. В ходе анализа результатов гипотеза о наличии поколенческих особенностей протестного сознания подтвердилась. При этом у обоих поколений выявились два типа протестного сознания: мирного и радикального.

При проведении второго опроса в 2024 г. целью было проверить гипотезу о наличии двух типов протестного сознания и двух групп протестантов со своими ценностями и методами протеста. На этот раз мы не дифференцировали респондентов по поколениям, а выделили в выборке две группы в зависимости от поддержки мирных, умеренных или радикальных, насильственных форм протеста. Полученные две подвыборки, которые мы именуем сторонниками мирного и сторонниками радикального протеста, в дальнейшем сравнивались между собой.

Проблема заключается в том, что конфликтный потенциал протестного движения в России в определенных условиях и в сочетании с возможностями для манипуляции сознанием молодежи может содержать серьезные риски для страны. При попытке выработать стратегии управления данными рисками, обнаруживается недостаточная изученность типов протестного сознания российской молодежи. Отсюда ставилась задача дифференцировать и описать эти типы с применением математико-статистических и психосемантических методов.

Результаты исследования

Респондентам в анкете был задан вопрос о готовности участвовать в разных формах протестной активности. Всего в матрицу вопроса было включено 10 форм протеста, от наиболее мирных, таких как голосование против всех и подписание протестных петиций, до самых радикальных, как бунт и восстание. Дополнительно был задан вопрос о готовности участвовать в протесте с целью ненасильственной смены власти. Этот пункт должен был выявить мотивы протеста. Был также задан вопрос об эмоциональных реакциях на политику российского государства. Полученные ответы обрабатывались с применением математико-статистических методов.

С целью выявления внутренней структуры данных массив данных о протестной готовности респондентов был обработан методом факторного анализа: метод главных компонент, метод вращения Варимакс с нормализацией Кайзера. Данный метод позволил нам выявить двухфакторную структуру данных вопросов анкеты, описывающих готовность к протестному поведению.

Выборка: молодежь Дальнего Востока (2020 г., $n = 831$).

Параметры модели: КМО = 0,919, Критерий сферичности Бартлетта = 7362,1, $p = 0,000$, 77,6% объясненной дисперсии переменных.

Выявлены два типа протестного менталитета, которые были условно названы «мирным» и «радикальным» типами протеста (табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Формы протестного поведения, вся выборка.
Факторизация данных. Повернутая матрица компонентов
Forms of protest behavior, whole sample.
Factorization of the data. Rotated matrix of components

Переменные (готовность к протесту в разных формах)	Компоненты	
	Фактор 1. Радикальный протест	Фактор 2. Мирный протест
Бунт	0,896	0,183
Восстание	0,869	0,246
Перекрытие дорог, занятие зданий	0,831	0,292
Несанкционированные акции протеста	0,770	0,479
Забастовки	0,764	0,469
Подписание петиций	0,213	0,865
Разрешенные протестные акции	0,397	0,812
Протестные концерты, флешмобы, выставки	0,153	0,805
Голосование против всех	0,393	0,732
Открытая критика власти в СМИ, агитация против власти	0,508	0,697

Первый фактор (64,4% объясненной дисперсии) включает имеющие большой факторный вес неконвенциональные, радикальные формы протестного поведения: бунт, восстание, перекрытие дорог. Им противопоставлены с низкими нагрузками такие конвенциональные формы протеста, как участие в тематических концертах, подписание коллективных обращений. Данный фактор обозначен как «радикальный протест».

Второй фактор (11,6% объясненной дисперсии), напротив, характеризуется высокими значениями по таким формам протеста, как подписание коллективных обращений, участие в санкционированных мероприятиях; минимальными значениями – по таким формам, как бунт и восстание. Второй фактор обозначен как «мирный протест».

Данная факторная структура обнаруживается и для каждого из поколений в отдельности.

Таким образом, для выборки каждого из двух исследованных поколений свойственна устойчивая двухфакторная структура протестного поведения. «Центром тяжести» для мирного протеста, обнаруживающим самые сильные связи с другими формами протестности, является подписание петиций, также протестных концертах и разрешенных акциях протеста. Для радикального протеста «центром тяжести» является готовность к бунту и восстанию. Бунт понимается как стихийное, не имеющее четко сформулированных целей и, как правило, локальное выступление. Восстание – организованное, более масштабное, направленное против существующей системы.

Данная структура отражает наличие двух моделей протестного поведения и, соответственно, двух групп респондентов: одна больше тяготеет к радикальному протестному поведению, вторая к более умеренному, конвенциональному протесту.

Такая же двойная факторная структура вопросов о готовности к разным формам протеста была получена и на основе материала опроса 2024 г., что подтвердило неслучайный характер наших выводов о наличии двух типов протестной культуры и протестного сознания.

Исследование факторов протеста поколения «Y»

На основе полученных данных были проанализированы особенности протестности у представителей поколений «Y» и «Z». Полученные два фактора были взяты как зависимые переменные, а остальные данные анкеты как независимые переменные для построения регрессионной модели. Метод регрессионного анализа позволяет проследивать изменение зависимой переменной под влиянием группы независимых переменных. Тем самым он дает возможность предсказывать значение зависимой переменной.

Характеристики модели (табл. 2): R-квадрат = 0,604, R = 0,777. R-квадрат – это коэффициент детерминации, который выступает показателем качества модели. Коэффициент детерминации показывает, какая доля вариации объясняемой (зависимой) переменной учтена в модели и обуслов-

лена влиянием на нее факторов, включенных в модель. R-квадрат = 0,604 значит, что модель объясняет более 60% дисперсии в выборке, сила связи между независимыми переменными и зависимой равна 0,777. Такая модель вполне валидна.

Таблица 2 (Table 2)

Регрессионная модель готовности к мирному протесту, поколение «Y»
Regression model of readiness for peaceful protest, generation "Y"

Готовность к мирному протесту, поколение «Y»		Готовность к мирному протесту, поколение «Y» (альтернативная модель)	
R-квадрат = 0,604, R = 0,777	B	R-квадрат = 0,667, R = 0,817	B
(Константа)	-1,663	(Константа)	-2,161
Политические проблемы	0,138	Готовность к ненасильственной смене власти	0,250
Участие в молодежных движениях	0,186	Участие в молодежных движениях	0,158
Социальная справедливость, равенство	0,193	Захватывающая жизнь	0,122
Злость	0,369	Проблемы в социальной сфере	0,081
Не поддерживаю митинги, но люди имеют право участвовать	-0,560	Традиции	-0,097
Традиции	-0,088	Социальная справедливость, равенство	0,090
Поддерживаю митинги, готов участвовать	0,408		

В таблице коэффициент «B» показывает, на какое значение вырастет (или уменьшится) зависимая переменная (мирный протест), если значение независимой увеличится на 1.

Был построен альтернативный вариант регрессионной модели для мирного протеста Y, в который в качестве дополнительной независимой переменной была включена готовность протестовать с целью ненасильственной смены власти.

Респондентам предлагалось оценить важность для них лично каждой из 10 личностных ценностей по модели Ш. Шварца [19]. И как можно видеть, готовность к мирному протесту связана с высокой значимостью личностной ценности социальной справедливости и равенства.

Проявилась также ценность свободы и творчества (готовность к критике власти в СМИ). Наряду с отрицательной ролью ценности традиций (чем ниже выраженность ценности традиций у респондентов, тем выше готовность к мирному протесту), получаем стремление к справедливости через перемены и личную активность.

Для определения протестной значимости тех или иных проблем общества в анкете задавался вопрос: «В связи с какими из перечисленных общественных проблем Вы готовы принять участие в акциях протеста?». Предлагался список актуальных социальных и политических проблем.

Как мы видим, предикторами готовности к мирному протесту выступают социальные проблемы, проблемы своего города, реже политические и проблемы в силовых ведомствах. Такой набор проблем соответствует выявленным ценностным факторам мирного протеста.

Далее была проведена регрессия для отдельных форм мирного протеста поколения «Y» (табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Регрессионная модель готовности к разным формам мирного протеста, поколение «Y»
Regression model of readiness for different forms of peaceful protest, generation "Y"

Готовность к разрешенным протестным акциям		Готовность к голосованию против всех		Готовность к подписанию петиций	
R-квадрат = 0,841, R = 0,917	B	R-квадрат = 0,746, R = 0,864	B	R-квадрат = 0,779, R = 0,983	B
(Константа)	-0,406	(Константа)	0,067	(Константа)	0,942
Готовность к голосованию против всех	0,251	Готовность к разрешенным протестным акциям	0,513	Готовность к разрешенным протестным акциям	0,293
Готовность к ненасильственной смене власти	0,227	Готовность к подписанию петиций	0,296	Готовность к протестным концертам, флешмобам, выставкам	0,345
Готовность к подписанию петиций	0,206	Готовность к забастовкам	0,171	Готовность к голосованию против всех	0,252
Готовность к критике власти в СМИ и агитации против власти	0,092	Поддерживаю митинги, но сам не готов участвовать	-0,597	Страх	0,324
Злость	-0,491	Презрение	0,510	Проблемы в национальной и религиозной сфере	-0,177
Позитивное отношение к митингам	0,164	Удовлетворенность политикой государства	-0,288	Проблемы своего города	0,164
Готовность к забастовкам	0,116	Интерес	0,566	Социальная справедливость, равенство	-0,107
Политические проблемы	0,137	Надежда	-0,569	Участие в других формах политической деятельности	-0,234
Российское общество	0,257	Проблемы в силовых ведомствах	0,117		
Надежда	0,330	Готовность к ненасильственной смене власти	-0,122		
Проблемы в силовых ведомствах	-0,113				
Протестные концерты, флешмобы, выставки	0,093				

Проблемы своего города формируют местную протестную повестку, социальные и политические – скорее федеральную (хотя первая переплетена со второй).

Модель показала сильную связь между готовностью к мирному протесту и злостью, связанной с политикой государства (табл. 2). Злость в данном случае – это стеническая (несущая силу, активность) эмоция, которая возникает в ответ на ту или иную угрозу личности и мотивирует к борьбе и преодолению препятствий. В числе таких угроз угроза ценностям человека.

В моделях форм мирного протеста проявились такие эмоции, как надежда (разрешенные акции протеста и участие в петициях), интерес (голосование против всех и критика власти), презрение и безнадежность (голосование против всех), страх (подписание петиций). При этом надежда – это стеническая эмоция, а страх – амбивалентная. В сочетании разных эмоций (например, надежда и злость), формируются чувства в отношении политики.

В сочетании с ценностью справедливости и социальной активностью стремление к переменам формирует некую черту протестности в личности человека. Можно сказать, что это предрасположенность к социальному протесту. Фрустрация данных ценностей социальной действительностью и политикой государства (отсюда и злость) побуждает к протесту.

Из положительных эмоций присутствует надежда. Часть респондентов верит, что все еще можно изменить.

Респонденты группы мирного протеста в целом социально активны. Готовность к мирному протесту растет в связи с ростом участия в молодежных движениях в обоих общих моделях мирного протеста. Участие в партиях появилось в модели участия в забастовках.

Совокупность личностных ценностей и социальной активности позволяет охарактеризовать сторонника мирных протестов как стремящегося к социальной справедливости, интересной жизни и переменам активного молодого человека. При этом данная группа стремится к мирному разрешению противоречий. Такие формы протеста как подписание петиций и санкционированные митинги являются формой мирного диалога с властью.

Все эти ценности, установки и поведенческие черты формируют определенный тип протестного сознания, который можно назвать мирным типом.

Анализ предикторов радикального протеста поколения Y

Нами выполнен регрессионный анализ готовности к отдельным формам радикального протеста (табл. 5–6). Модель факторов радикального протеста представлена в табл. 4.

Таблица 4 (Table 4)

Регрессионная модель готовности к радикальному протесту, поколение «Y»
Regression model of readiness for radical protest, generation "Y"

Радикальный протест поколение «У»	Значение
R-квадрат = 0,379, R = 0,616.	B
(Константа)	-0,208
Участие в забастовках	0,666
Злость	0,586
Участие в молодежных движениях	-0,174
Интерес	-0,467

Эмоциональные реакции, влияющие на готовность к радикальному протесту, – это злость, страдание и боль, а также страх. Учитывая, что страх является глубинной причиной агрессии, связь между ними понятна.

Полученный портрет говорит нам о личностных ценностях тех, кто склонен к радикальным протестам. Одна из них – это социальная справедливость и равенство (забастовки), а также низкая значимость ценности удовольствия (восстание) и традиций (забастовки), что можно интерпретировать как стремление к переменам.

Информацию для понимания мотивов склонных к радикальному протесту респондентов дает анализ мотивирующих их протестность проблем. Это политические проблемы, правовые проблемы и проблемы своего города, экологические проблемы.

Для того, чтобы интерпретировать содержание категорий политические и правовые проблемы, нужно учесть ответы в данной выборке на открытый вопрос о проблемах, беспокоящих молодых людей. Среди распространенных проблем назывались: неуважение чиновников к закону, коррупция, отсутствие демократии. Около 40% респондентов беспокоят социально-экономические проблемы.

Общим мотивом радикального протеста является стремление к смене власти. Данный предиктор входит как в общую модель радикального протеста, так и в модели, объясняющие отдельные его формы. Обращает на себя внимание, что рост запроса на смену власти связан со средним благосостоянием населения.

Важно, что носители радикального протеста не интересуются политикой. Кроме того, нами не выявлено связи готовности к радикальному протесту с легальными формами политического участия: голосованием на выборах, проведением избирательных кампаний, участием в партиях. Даже в молодежных движениях радикальные протестанты (в отличие от мирных протестантов) не участвуют. При этом, часть этой группы не считает, что ответственность за ситуацию в стране несет российское общество.

Вопрос анкеты: «Кто, на Ваш взгляд, несет ответственность за ситуацию в стране?» (варианты ответов: президент, парламент, региональные власти, партии, российское общество) задавался для того, чтобы определить политический локус контроля респондентов. В группе мирных

протестантов в некоторых моделях присутствовал внутренний локус: за положение в стране несет ответственность само российское общество. В группе радикального протеста есть противоположная тенденция (ответственна власть), что намекает на более патерналистское сознание.

Создается впечатление, что радикальные протестанты не интересуются политикой и считают (хотя и не все), что ответственность за Россию должны нести власти. Вместе со слабым участием в легальных политических институтах, это черты подданнического типа политической культуры (согласно типологии Г. Э. Алмонда). В литературе весьма широко представлен подход, согласно которому россияне издавна верили в сакральность власти и негласно передавали ей полноту ответственности за судьбу страны. Однако, взамен они ждали от нее заботы о себе и защиты страны. Если власть переставала выполнять свою часть общественного договора, народ бунтовал. Это можно определить как патерналистскую модель общества, где власть это «отец» (монарх именовался «царь-батюшка»), а подданные его «дети».

Таблица 5 (Table 5)

Регрессионная модель готовности к разным формам радикального протеста, поколение «Y»

Regression model of readiness for different forms of radical protest, generation “Y”

Готовность к несанкционированным акциям протеста		Готовность к бунту	
R-квадрат = 0,690, R = 0,831.	B	R-квадрат = 0,648, R = 0,805.	B
(Константа)	0,296	(Константа)	0,548
Готовность к ненасильственной смене власти	0,507	Готовность к перекрытию дорог, занятию зданий	0,453
Участие в несанкционированных акциях протеста	0,353	Готовность к забастовкам	0,266
Поддерживаю митинги, готов участвовать	0,713	Участие в несанкционированных акциях протеста	0,258
Российское общество	-0,423	Отвращение	-0,368
Политические проблемы	0,162	Удовлетворенность политикой государства	-0,147
Экологические проблемы	-0,098	Нет, меня это не интересует [политика]	-0,294
Страдание, боль	0,324	Готовность к ненасильственной смене власти	0,130
		Готовность к разрешенным протестным акциям	-0,092

Таким образом, как ни парадоксально, но радикальное протестное сознание можно объяснить как элемент подданнической политической культуры. Ему соответствует тип протестной культуры, который можно назвать «культурой бунта» (бунт как форма коммуникации с властью, низкая политическая компетентность, аффективность поведения, установка

на насилие как метод борьбы за свои права). Говоря о протестной культуре, как части политической культуры, мы исходим из того, что она включает в себя три компонента: познавательный, аффективный и поведенческий. Познавательный компонент – это в том числе ценности, знания о политике и опыт участия. Аффективный компонент включает эмоции, эмоциональное отношение к политике. Аффективный компонент можно объединить с познавательным в протестное сознание.

Поведенческий компонент протестной культуры – это формы протеста, и влияющие на них мотивы и установки.

Таблица 6 (Table 6)

Регрессионная модель готовности к восстанию и смене власти, поколение «Y»
Regression model of readiness for rebellion and change of power, generation “Y”

Готовность к забастовкам		Готовность к восстанию		Стремление к ненасильственной смене власти	
R-квадрат = 0,774, R = 0,874	B	R-квадрат = 0,809, R = 0,900	B	R-квадрат = 0,722, R = 0,850	B
(Константа)	0,079	(Константа)	0,334	(Константа)	-0,653
Готовность к перекрытию дорог, занятию зданий	0,386	Готовность к бунту	0,837	Готовность к разрешенным протестным акциям	0,455
Готовность к разрешенным протестным акциям	0,149	Готовность к критике власти в СМИ и агитации против власти	0,088	Готовность к критике власти в СМИ, агитации против власти	0,236
Готовность к бунту	0,233	Удовольствие	-0,083	Готовность к восстанию	0,263
Готовность к критике власти в СМИ, агитации против власти	0,133	Правовые проблемы	0,108	Экологические проблемы	0,223
Готовность к голосованию против всех	0,088	Экологические проблемы	-0,173	Злость	0,519
Традиции	-0,098	Готовность к ненасильственной смене власти	0,078	Проблемы экономики	-0,177
Да, внимательно слежу за событиями	-0,255	Участие в политических партиях	-0,129	Не удовлетворен Политикой государства	0,601
Социальная справедливость, равенство	0,078	Проблемы своего города	0,107	Денег хватает на крупную бытовую технику	0,434
		Проблемы в силовых ведомствах	-0,102		
		Проблемы безопасности	0,078		

Говоря о специфике отдельных форм протеста, можно отметить, что готовность к восстанию связана с проблемами своего города, правовыми проблемами и проблемами безопасности. Очень тесная корреляция готовности к восстанию с готовностью к бунту позволяет считать эти переменные маркерами друг друга. Различие между формами протеста, такими как восстание и бунт, было представлено в предыдущей нашей работе [8].

Анализ протестной готовности молодежи поколения «Z»

Исследование предикторов мирного протеста поколения «Z» показало большую значимость ценности доброты (табл. 7). В модели готовности к петициям есть и ценность соблюдения правил и границ. Это характеризует сторонников мирного протеста как законопослушных и альтруистически настроенных людей. Этих людей волнуют проблемы в социальной сфере, правовые проблемы и проблемы безопасности. Для критики власти в СМИ одним из мотивов оказались и проблемы экологии. В сочетании с проблемами своего города это означает, что протест имеет и локальное (местное и региональное) измерение. Среди его факторов не только политика, права и социальные проблемы, но и экология и городская среда.

С государственной политикой у респондентов связаны негативные эмоции, такие как страдание, презрение, стыд. Заметно также недоверие респондентов к государству. Похожий социальный портрет у имеющих опыт участия в подписании петиций и санкционированных акциях. Ценность справедливости и неприятие политики государства заставляет бороться за лучшее общество.

Подписание петиций чаще связано с женщинами, как и мирный протест в целом. Одной из целей протеста для данной категории молодежи является ненасильственная смена власти. Можно рассматривать стремление к смене власти как ключевой мотив протестного поведения. Его можно использовать как маркер для выявления протестного потенциала.

Тот факт, что запрос на смену власти есть и у группы мирного, и у группы радикального протеста, показывает его системный характер и значимость для обоих поколений.

Чаще за смену власти выступают школьники, то есть самые юные представители поколения «Z». Отрицательная связь с высоким материальным положением означает, что подростки из богатых семей реже выступают за смену власти.

Группа склонных к мирному протесту отличается общественной активностью. При этом у них противоречивое отношение к голосованию на выборах, вероятно, из-за низкого доверия к государству. Достигают своих целей носители этого типа протестного менталитета с помощью мирных, законных средств и форм политического участия. Для них нежелательно насилие и нарушение закона. Они будут готовы к диалогу с властями разных уровней и другими общественными силами. Можно назвать соответствующий тип протестного сознания мирным или умеренным. Ему присущи альтруистические и социальные ценности, экология, безопасность и права человека. Соответствующий ему тип протестной культуры можно назвать «культурой петиций».

Таблица 7 (Table 7)

Регрессионная модель готовности к разным формам мирного протеста, поколение «Z»
Regression model of readiness for different forms of peaceful protest, generation "Z"

Готовность к мирному протесту в целом, поколение «Z»		Готовность к голосованию против всех		Готовность к подписанию петиций	
R-квадрат = 0,560, R = 0,749	B	R-квадрат = 0,599, R = 0,774	B	R-квадрат = 0,629, R = 0,793	B
(Константа)	-1,739	(Константа)	-0,021	(Константа)	0,051
Готовность к подписанию петиций	0,161	Готовность к подписанию петиций	0,371	Готовность к разрешенным акциям	0,349
Готовность к ненасильственной смене власти	0,091	Готовность к перекрытию дорог, занятию зданий	0,219	Готовность к голосованию против всех	0,365
Проблемы в социальной сфере	0,076	Злость	0,641	Правовые проблемы	0,161
Участие в молодежных движениях	0,103	Участие в голосовании на региональных выборах	0,190	Готовность к перекрытию дорог, занятию зданий	-0,280
Доброта	0,064	Готовность к критике власти в СМИ, агитация против власти	0,155	Готовность к забастовкам	0,120
Участие в забастовках	-0,154	Страдание, боль	0,497	Соблюдение правил и границ	0,115
Готовность участвовать в акциях протеста	0,072	Страх	-0,366	Готовность участвовать в акциях протеста	0,132
Проблемы безопасности	0,073	Проблемы экономики	0,149	Учащиеся колледжей	-0,428
Удовлетворенность политикой государства	-0,384	Проблемы своего города	-0,120	Восстание	0,099
Участие в разговорах на политические темы	0,072	Поддерживаю митинги, сам не готов участвовать	0,304	Отвращение	-0,440
Мужчины	-0,140			Презрение	0,333
Участие в голосовании на федеральных выборах	-0,070				
Другие формы политической деятельности	0,110				
Удовлетворенность	-0,229				
Участие в проведении избирательной кампании	-0,087				

Далее мы охарактеризуем факторы радикального протеста и его акторов (табл. 8–9). Для группы сторонников радикального протеста менее значимы социальные и альтруистические ценности, чем для мирных протестантов. Выше значение карьеры и успеха, а значимость безопасности ниже. Чем менее значима ценность безопасности, тем выше готовность к несанкционированным акциям, а проблемы безопасности отрицательно связаны с радикальным протестом (готовность к забастовкам).

Стремление к радикальному протесту мотивируется сильной злостью. Ее наличие говорит и о степени депривации значимых потребностей респондентов.

Набор значимых проблем: правовые проблемы (в ответах на открытый вопрос о волнующих проблемах: коррупция, нарушение прав человека, неуважение чиновников к закону), политические проблемы, проблемы в национальной и религиозной сфере (защита своей нации). При приоритете проблем национальной сферы в основе механизма протестного сознания лежит национальная идентичность. В силу тех или иных обстоятельств респонденты считают, что есть угроза своей нации. Это порождает групповой гнев и готовность «защитить» свою группу.

Причины данных проблем связываются с существующей властью и ее политикой. Четко проявился мотив стремления к смене власти.

У части респондентов, склонных к радикальному протесту, выявляется недовольство уровнем прав и свобод, что отразилось в таком предикторе как «правовые проблемы». Это объединяет часть радикальных и мирных протестантов. Также у части респондентов с высокой вероятностью есть препятствия для самореализации в карьере. Ценность карьеры связана с готовностью к протесту.

Дисперсионный анализ влияния переменной «материальное положение» на радикальный протест показал нелинейную связь между этими переменными. Готовность к восстанию и бунту выше у среднего слоя, а при повышении материального уровня выше среднего, она снижается (различия статистически значимы). Логично, что богатые против слома существующей системы и насилия (в этой системе им хорошо). Средний слой же желает перемен, значит многие его представители не видят для себя привлекательного будущего.

Сторонники радикального протеста определяют себя как «участвующих в политике». При этом, в отличие от группы мирных протестантов, подписывавших петиции, они участвовали в акциях протеста и забастовках.

В целом обращает на себя внимание, что радикально настроенная молодежь мало вовлечена в легальные формы политического участия, будь то голосование на выборах, членство в партиях, участие в проведении избирательных кампаний. Это свидетельство малого интереса к политике и политической компетентности (знания и навыки). При отсутствии навыков в реализации своих интересов через легальные политические механизмы, она пытается сделать это через радикальный протест.

Таблица 8 (Table 8)

Регрессионная модель готовности к разным формам радикального протеста, поколение «Z»

Regression model of readiness for different forms of radical protest, generation "Z"

Готовность к радикальному протесту в целом, поколение «Z»		Готовность к несанкционированным акциям протеста		Готовность к забастовкам	
R-квадрат = 0,552, R = 0,743		R-квадрат = 0,729, R = 0,854	B	R-квадрат = 0,729, R = 0,854	B
(Константа)	-0,769	(Константа)	-0,249	(Константа)	0,193
Готовность к ненасильственной смене власти	0,160	Готовность к забастовкам	0,451	Готовность к перекрытию дорог и занятию зданий	0,328
Участие в забастовках	0,401	Готовность к восстанию	0,102	Готовность к критике власти в СМИ, агитации против власти	0,117
Готовность к критике власти в СМИ, агитации против власти	0,176	Готовность к разрешенным протестным акциям	0,142	Готовность к восстанию	0,186
Готовность к подписанию петиций	-0,118	Готовность к перекрытию дорог, занятию зданий	0,166	Участие в забастовках	0,875
Участие в молодежных движениях	-0,117	Участие в несанкционированных акциях протеста	0,249	Поддерживаю митинги, готов участвовать	0,551
Злость	0,326	Поддерживаю митинги, но сам не готов участвовать	-0,300	Участие в санкционированных митингах	-0,257
Да, участвую в политике	0,223	Мужчины	0,284	Готовность к разрешенным протестным акциям	0,147
Удовлетворенность политикой государства	0,340	Готовность к бунту	0,112	Участие в политических партиях	-0,241
Участие в разговорах на политические темы	-0,054	Карьера, успех	0,144	Готовность к ненасильственной смене власти	0,088
Мужчины	0,135	Проблемы в силовых ведомствах	-0,063	Участие в несанкционированных акциях протеста	-0,308
Удовлетворенность	0,202	Безопасность	-0,093	На одежду денег хватает, на бытовую технику нет	-0,301
		Участие в проведении избирательных кампаний	-0,117	Готовность к подписанию обращений, петиций	0,107
		Да, участвую в политике	0,224	Проблемы безопасности	-0,101

Таблица 9 (Table 9)

Регрессионная модель готовности к бунту и восстанию, поколение «Z»
Regression model of readiness for rebellion and insurrection, generation "Z"

Готовность к бунту		Готовность к восстанию		Участие в забастовках	
R-квадрат = 0,598, R = 0,773	B	R-квадрат = 0,638, R = 0,799	B	R-квадрат = 0,695, R = 0,833	B
(Константа)	0,452	(Константа)	0,010	(Константа)	-0,044
Готовность к несанкционированным акциям протеста	0,453	Забастовки	0,261	Участие в несанкционированных акциях протеста	0,526
Готовность к забастовкам	0,137	Готовность перекрытию дорог, занятию зданий	0,285	Участие в партиях	0,155
Злость	0,385	Готовность ненасильственной смене власти	0,206	Готовность к забастовкам	0,110
Участие в забастовках	0,249	Злость	0,656	Готовность к критике власти в СМИ, агитации против власти	-0,023
Готовность к разрешенным протестным акциям	-0,142	Участие в несанкционированных акциях протеста	0,218	Участие в голосовании на региональных выборах	0,069
Готовность к ненасильственной смене власти	0,118	Проблемы в национальной и религиозной сфере	0,102	Готовность к перекрытию дорог, занятию зданий	-0,032
Готовность к голосованию против всех	0,122	Правовые проблемы	-0,079	Удивление	-0,097
Участие в разговорах на политические темы	-0,088	Мужчины	0,241	Да, участвую в политике	-0,132
Участие в проведении избирательных кампаний	0,202			Участие в молодежных движениях	0,048
Другие формы политической деятельности	-0,182			Готовность к разрешенным протестным акциям	-0,031

Следует учесть, что радикальный протест имеет гендерную специфику, чем выше уровень готовности к нему, тем больше в группе склонных к радикальному протесту мужчин. В сочетании с незначимостью безопасности и растущим уровнем злости формируется такая совокупность установок и аффективных характеристик, которая обеспечивает сниженность рациональности поведения и мотивирует на насильственные, крайние действия. Необходимо учесть и особенности юношеского возраста, повышенную роль эмоций, склонность к черно-белой оценке действительности.

Особое значение имеет модель восстания. Как мы полагаем, готовые участвовать в восстании составляют самую радикальную группу протестантов. Это как бы ультрарадикалы внутри радикального лагеря. Доминантой для них служат проблемы национального характера, мотив протеста – защита своей нации.

Особенности протестного сознания двух типов протестантов: сторонников мирного и радикального протеста

Как уже отмечалось, массив данных о протестной готовности респондентов был обработан методом факторного анализа, что позволило выявить двухфакторную структуру данных вопросов анкеты, описывающих готовность к протестному поведению. Нами была выдвинута гипотеза о наличии двух типов протестного сознания: мирного и радикального.

Чтобы провести дополнительную проверку этой гипотезы, мы на основе полученной нами общей выборки молодежи сформировали две подвыборки: сторонников мирного и радикального протеста, соответствующие носителям мирного и радикального протестного сознания.

Критерием отнесения к выборке мирного протеста был уровень готовности 5–7 баллов (из 7 возможных) к участию в подписании петиций, протестных концертах и флешмобах. Критерием отнесения к группе радикального протеста был уровень готовности к участию в бунте и восстании 5–7 баллов. Уровень 5–7 баллов соответствует выше среднего и высокой готовности к протесту (5 – скорее готов; 6 – готов; 7 – безусловно готов к участию в протесте).

По результатам факторизации анкеты, именно бунт и восстание в факторе радикального протеста в наибольшей степени коррелируют с другими формами протеста (табл. 1). Для фактора мирного протеста наибольший факторный вес имеют подписание петиций и участие в протестных концертах.

На основе этих критериев мы выделили две подвыборки, соответствующие носителям мирного и радикального протестного сознания.

В дальнейшем мы сопоставили ответы этих двух групп с использованием критерия Манна-Уитни.

По результатам применения критерия Манна-Уитни были выявлены значимые различия между группами мирных и радикальных протестантов по личностным ценностям, отношению к значимости общественных проблем и готовностью к протесту в определенных формах (табл. 10–12). Результаты U-критерия были подтверждены и дисперсионным анализом ANOVA.

Таблица 10 (Table 10)

Результаты применения U-критерия Манна-Уитни для независимых выборок для определения различий между группами мирных и радикальных протестантов по личностным ценностям

Results of applying the Mann-Whitney U-criterion for independent samples to determine differences between groups of peaceful and radical Protestants on personal values

Нулевая гипотеза	Критерий	Значение	Решение
Распределение «Удовольствие» является одинаковым для категорий Тип протеста	U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок	0,020	Нулевая гипотеза отклоняется
Распределение «Карьера успех» является одинаковым для категорий Тип протеста	U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок	0,005	Нулевая гипотеза отклоняется
Распределение «Безопасность» является одинаковым для категорий Тип протеста	U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок	0,006	Нулевая гипотеза отклоняется
Распределение «Доброта» является одинаковым для категорий Тип протеста	U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок	0,026	Нулевая гипотеза отклоняется
Распределение «Свобода» является одинаковым для категорий Тип протеста	U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок	0,023	Нулевая гипотеза отклоняется

Для группы мирного протеста оказалась более значимой, в сравнении с группой радикального протеста, ценность безопасности (M, то есть среднее значение у мирных протестантов 6,25 против M 5,6 у радикальных), что очевидно влияет на выбор мирного протеста как более безопасного. Так же этой группе важна свобода (M 5,96 у группы мирного протеста против M 5,1 у радикальной группы).

У группы мирного протеста более выражены ценности карьеры и успеха, а также доброты и удовольствия. Такие личностные ориентации выступают факторами, влияющими на выбор мирного протеста.

Данные результаты соответствуют данным, полученным при помощи регрессионного анализа (табл.2–9).

Кроме того, выявлены значимые различия между двумя группами в ответах на вопрос: «В связи с какими проблемами общества вы бы готовы были участвовать в акциях протеста?». Для группы радикального протеста намного важнее оказались проблемы в национальной и религиозной сфере, в том числе защита своей нации (M 4,7 против M 3,9). Это означает стремление к защите своей нации, на основе выраженной национальной и религиозной идентичности.

Также для группы радикального протеста статистически более значимы проблемы в политической сфере и проблемы в экономике. Вероятно, можно описать эту группу как более политизированную и национально мыслящую.

Таблица 11 (Table 11)

Результаты применения U-критерия Манна-Уитни для независимых выборок для определения различий между группами мирных и радикальных протестантов по готовности к протесту в связи с проблемами общества

Results of applying the Mann-Whitney U-criterion for independent samples to determine differences between peaceful and radical Protestant groups on willingness to protest about societal issues

Нулевая гипотеза	Критерий	Значение	Решение
Распределение «Проблемы в национальной и религиозной сфере» является одинаковым для категорий Тип протеста	U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок	0,045	Нулевая гипотеза отклоняется
Распределение «Проблемы в экономике» является одинаковым для категорий Тип протеста	U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок	0,032	Нулевая гипотеза отклоняется
Распределение «Проблемы в политической сфере» является одинаковым для категорий Тип протеста	U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок	0,004	Нулевая гипотеза отклоняется

В целом недовольство группы радикального протеста почти по всем проблемам заметно выше (готовность протестовать в связи с этими проблемами выше). Для группы мирного протеста важнее, в сравнении с группой радикального протеста, проблемы в сфере экологии, но различия ниже порога значимости.

Для группы радикального протеста мотивами участия в протестах являются недовольство политикой, экономические трудности и национальные чувства. Их личностные характеристики допускают радикальные действия. Напротив, для группы мирного протеста сдерживающим фактором являются такие ценности как доброта, карьера и безопасность.

При сравнении готовности к протесту в разных формах, также выявлены значимые различия по критериям Манна-Уитни и ANOVA между группой мирного и радикального протеста почти по всем переменным. По средним значениям видно, как нарастает разница между двумя группами, по мере роста радикальности форм протеста (табл. 12). Наибольшая готовность у радикальных протестантов к восстанию ($M=5,63$). Это весьма много по 7-балльной шкале. У группы мирного протеста, напротив, именно к восстанию самая низкая готовность ($M=1,37$). Мирные протестанты категорически не приемлют насилие и не любят нарушения закона. А готовы представители мирного протеста к участию в протестных концертах и флеш-мобах ($M=5,32$), и подписанию петиций ($M=5,18$).

При этом радикальные протестанты тоже готовы подписывать петиции, и участвовать в мирном протесте. Можно говорить, что носители радикального протестного сознания амбивалентны в отношении форм протеста: готовы и к мирным формам, и к радикальным. Мы интерпретируем это так:

если субъект готов к более радикальным формам протеста, то приемлет и менее радикальные. А вот носители мирного протестного сознания готовы только к участию в мирном протесте (на то они и «мирные»). Радикальные формы их пугают и неприемлемы для них.

Таблица 12 (Table 12)

Результаты расчета описательных статистик для мирных и радикальных протестантов по показателю готовности к разным формам протеста
Results of calculation of descriptive statistics for peaceful and radical Protestants on the indicator of readiness for different forms of protest

Тип протеста	Параметры	Готовность к подписанию петиций	Готовность к протестным концертам, флешмобам	Готовность к разрешенным протестным акциям	Готовность к открытой критике власти в СМИ	Готовность к несанкционированным акциям протеста	Готовность к бунту	Готовность к восстанию
Радикальный протест	Стандартное отклонение	1,67779	2,19431	1,80835	1,95604	1,96336	1,78647	1,11171
	Дисперсия	2,815	4,815	3,270	3,826	3,855	3,191	1,236
	Медиана	6,0000	5,0000	6,0000	6,0000	5,0000	5,0000	5,0000
	Среднее	5,4255	4,4255	5,2340	5,0000	4,5957	4,9362	5,6383
Мирный протест	Стандартное отклонение	1,83331	1,86554	2,27681	2,14184	1,68477	0,81415	0,81976
	Дисперсия	3,361	3,480	5,184	4,587	2,838	0,663	0,672
	Медиана	6,0000	6,0000	4,0000	2,0000	1,0000	1,0000	1,0000
	Среднее	5,1840	5,3280	4,0400	2,9040	1,9840	1,4080	1,3760

Кроме того, мы применили методику расчета семантических универсалий Е. Ю. Артемьевой для определения образа протеста у групп мирных и радикальных протестантов и сравнения между ними [12]. Расчет семантических универсалий проводился на основе данных семантического дифференциала (СД) для оценки протеста. В семантическую универсалию стимула вошли те шкалы СД, оценки по которым данного стимула у группы в высокой степени совпадают.

При оценке такой формы протеста, как петиция, по результатам расчета семантических универсалий образ положительный у обеих групп. Обе группы согласованно характеризуют петицию как не чужую, не агрессивную, не страшную, но справедливую и открытую. Однако у группы мирного протеста оценки намного более согласованные и появляются дополнительные положительные характеристики, такие как «свободный», «честный». Степень выраженности положительных характеристик петиции выше. Очевидна приверженность мирных протестантов этой форме политического участия.

При этом по шкалам, отражающим силу и активность, а также масштаб явления, согласованных оценок, вошедших в семантическую универсалию почти нет, петиция характеризуется не столь высоко.

При оценке митинга как формы протеста, группа радикального протеста показала целиком положительный образ (активный, открытый, свободный, не чужой, не коррумпированный).

Группа же мирного протеста оценила митинг противоречиво. С одной стороны, как «не привлекательный» и «не красивый». Но, в то же время, «открытый», «активный», «не чужой», «не коррумпированный» и «не лицемерный».

Образ забастовки как формы протеста положительный у группы радикального протеста и противоречивый, скорее непривлекательный у группы мирного протеста.

Бунт как форму протеста группа радикальных протестантов оценивают как «активный», «сильный», «агрессивный», «открытый», «не чужой».

Группа мирных протестантов считает бунт также «сильным» и «агрессивным», но при этом «не интеллектуальным» и «не привлекательным». Однако, также «не чужим» и «не коррумпированным».

При оценке восстания как формы протеста обе группы согласованно оценивают его как агрессивную и сильную, не коррумпированную, не чужую и не бессмысленную форму активности.

Разница в том, что восстание для мирных протестантов не привлекательное и не красивое, а для радикальных протестующих таких коннотаций нет.

И бунт, и восстание согласованно оцениваются обеими группами как масштабные политические формы («большой»). Общее впечатление, что обе группы оценивают восстание высоко по активности, масштабу и силе, но в силу ценностей и установок группы мирного протеста, оно для них не привлекательно. Привлекательность восстания для группы радикального протеста выше, но и здесь фиксируется неоднозначность позиций.

Заключение

Проведенное исследование показало наличие в выборке двух типов протестантов: сторонников мирного и радикального протеста. Их можно определить как носителей разных типов протестного сознания: мирного и радикального.

Характеристики мирного протестного сознания поколений «Y» и «Z» в основном схожи. Оно основано на ценностях социальной справедливости, свободы, доброты. Это – гуманистическое сознание. Его носители против насилия, они используют ненасильственные формы протеста. Поэтому мы и обозначили данный тип протестного сознания как «мирный».

Характеристики радикального протестного сознания поколений «Y» и «Z» имеют как общие черты, так и существенные различия. К объединяющим чертам можно отнести наличие такой аффективной составляющей протестного сознания как злость (агрессия). Негативные эмоции формируют эмоционально ориентированное поведение.

Для радикального протестного сознания поколения «Z» свойственно представление об угрозах своей нации, вызывающее групповую злость (гнев), который запускает путь решения проблемы через насилие. Мощным предиктором радикального протеста обоих поколений является системное недовольство властью и желание ее смены.

В некоторой степени мирные протестанты ближе к партисипаторному типу политической культуры, а радикальные – к подданническому типу.

Можно говорить и о наличии двух типов протестной культуры: культуры мирного, гражданского протеста («культура петиций») и культуры радикального протеста («культура бунта»). Протестная культура включает в себя протестное сознание и сложившиеся формы протестного поведения.

«Культура петиций» связана с активной гражданской позицией, интересом к политике, легальными формами политического участия. С ней связаны такие ценности как справедливость и равенство, свобода и творчество, права человека и стремление к обновлению.

Не приемля насилие и уважая другие взгляды, эта группа выбирает мирные, законные формы протеста. Однако, если легальные каналы выражения интересов не работают, происходит накопление негативных эмоций, и, как следствие, – радикализация носителей мирного протеста.

Культура радикального протеста связана с подданническим типом политического сознания (хотя не только). Ей присущи низкий уровень интереса и знаний о политике, пассивность и высокая роль эмоций. Отношения с властью носителей этой культуры можно описать дихотомией: «безмолвие или бунт».

В нашей выборке преобладает «культура петиций», что означает, что возможности для диалога власти и молодежи на Дальнем Востоке сохраняются.

Библиографический список

1. Артюхина В. А. Осмысление социального протеста в современной социологии: анализ основных подходов // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 30–34. DOI: 10.7868/S0132162517110046; EDN: ZRQQNH.

2. Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // ПОЛИС. Политические исследования. 2020. Т. 29. № 2. С. 73–91. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06; EDN: APZWMB.

3. Баранова Г. В. Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 143–152. EDN: PFLRRF.

4. Волков Д. А. Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 гг.: запрос на модернизацию политических институтов // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. № 2(112). С. 73–86.
5. Габа О. И. Молодежь как субъект протестных настроений // Знание, понимание, умение. 2015. № 1. С. 144–151. EDN: ULLCGT.
6. Керимов А. А., Эбзеев А. А. Факторы и тенденции протестной активности молодежи в современной России // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. С. 104–123. DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_104; EDN: GSFTBH.
7. Леньков Р. В., Колосова О. А., Ковалева С. В. Социально-психологическая диагностика и прогнозирование протестного поведения молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. 2021. Т. 4. № 1. С. 31–41. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41; EDN: YQQGVH.
8. Марин Е. Б. Структура протестного мышления и представление о социальном протесте молодежи поколений «Y» и «Z» Дальнего Востока и Москвы // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 1. С. 86–107. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.776; EDN: WEZDKL.
9. Марин Е. Б. Молодежные протестные настроения в Приморском крае (на примере студенчества) // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 3. С. 63–82. DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.524; EDN: YWAGXB.
10. Парма Р. В., Давыдова М. А. Триггеры политической мобилизации массовых протестов в социальных медиа Российской Федерации и Республики Беларусь в 2020–2021 гг. // Власть. 2022. № 3. С. 97–105. DOI: 10.31171/vlast.v30i3.9045; EDN: UJJWYG.
11. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029; EDN: YVQXQU.
12. Серкин В. П. О возможностях метода семантических универсалий Е. Ю. Артемьевой // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2000. № 2. С. 74–79.
13. Ядов В. А., Климова С. Г. и др. Социальная база поддержки реформ и потенциал массового протеста // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: ИС РАН, 2008. С. 85–101. EDN: TZCRHT.
14. Almond G. A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. SAGE, 1989. 379 p.
15. Davis J. A formal interpretation of the theory of relative deprivation // Sociometry. 1959. Vol. 22. No. 4. P. 280–296.
16. van Stekelenburg J., Klandermans B. The social psychology of protest // Current Sociology. 2013. Vol. 61. No. 5–6. P. 886–905. DOI: 10.1177/0011392113479314.
17. van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives // Psychological Bulletin. 2008. No. 134. P. 504–535. DOI: 10.1037/0033-2909.134.4.504.

18. Vitak J., Zube P. et al. It's complicated: Facebook users' political participation in the 2008 election // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2011. No. 14(3). P. 107. DOI: 10.1089/cyber.2009.0226.

19. Schwartz S. H. Are there universal aspects in the content and structure of values? // *Journal of Social Issues*. 1994. Vol. 50. P. 19–45.

Получено редакцией: 8.08.2024

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Марин Егор Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин; доцент Департамента психологии и образования

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.13

Protest Consciousness and Protest Culture of the Young People of the Russian Far East

Egor B. Marin

MSU named after admiral G. I. Nevelskoy, Vladivostok, Russia;
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

egor-marin@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0409-5065

For citation: Marin E. B. Protest Consciousness and Protest Culture of the Young People of the Russian Far East. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 255–281. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.13; EDN: HBHQYA.

Abstract. Social protest is the cause of conflicts in society. But it also signals unresolved problems and forces the authorities to respond to the demands of society. In the history of Russia, protest has always played a significant role, and extreme radicalism has always been its peculiar feature.

The study is based on youth surveys conducted in 2020 and 2024 in the Far East. Two types of protestants were identified in the sample: supporters of peaceful and radical protest. They are carriers of two different types of protest consciousness, including values, ideas, and motives for protest.

The author concludes that the youth of the Far East has two types of protest consciousness and protest culture: a peaceful type of protest consciousness and, based on it, peaceful civil protest (“petition culture”); and a radical protest consciousness and, based on it, radical protest (“rebellion culture”). “Petition culture” is associated with an active civic position, interest in politics, participation in legal forms of political and public activities. Its bearers are characterised by such values as justice and equality, freedom and creativity, human rights and the desire for renewal. The culture of radical protest is determined by the subject type of political consciousness, strong negative emotions, strong ethnicity and belief in a threat to one’s nationality. It can be noted that the bearers of radical protest consciousness are ambivalent in relation to the forms of protest: they are ready for both peaceful and radical forms. We interpret this as follows: if a subject is ready for more radical forms of protest, then he or she will also accept less radical ones. But bearers of peaceful protest consciousness are ready only to participate in peaceful protest (that’s why they are “peaceful”). Radical forms frighten them and are unacceptable to them.

According to the results of our study, the “petition culture” is more common in the sample, which means that a dialogue between the authorities and the youth is possible. The work also examines the generational characteristics of the protest consciousness of generations “Y” (or millennials) and “Z” (or centennials).

Keywords: protest, Far East, peaceful protest, radical protest, protest consciousness, generation Y, generation Z

References

1. Akhremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. Network or Text? Factors in the Spread of Protest in Social Media: Theory and Data Analysis. *POLIS. Politicheskie issledovaniya*, 2020: 2: 73–91 (in Russ). DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06 EDN: APZWMB.

2. Artyuhina V. A. Understanding social protest in modern sociology: analysis of the main approaches. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 11: 30–34 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162517110046; EDN: ZRQQNH.
3. Baranova G. V. Metodika analiza protestnoj aktivnosti naseleniya Rossii [The method of analysis of protest activity of the population of Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2012: 10: 143–152 (in Russ.). EDN: PFLLRF.
4. Volkov D. A. Protestnye mitingi v Rossii koncza 2011 – nachala 2012 gg.: zapros na modernizaciju politicheskix institutov [Protest rallies in Russia in late 2011 and early 2012: the request for the modernization of political institutions]. *Vestnik obshhestvennogo mnenija*, 2012: 2 (112): 73–86 (in Russ.)
5. Gaba O. I. Youth as a subject of protest. *Znanie, ponimanie, umenie*, 2015: 1: 144–151 (in Russ.). EDN: ULLCGT.
6. Kerimov A. A., Ebzeev A. A. Factors and Trends of Youth Protest Activity in Modern Russia. *Discurs-Pi*, 2022: 19(1): 104–123 (in Russ.). DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_104; EDN: GSFTBH.
7. Lenkov R. V., Kolosova O. A., Kovalyova S. V. Socio-psychological diagnostics and forecasting protest behavior of youth in the digital environment. *Cifrovaya sociologiya*, 2021: 4(1): 31–41 (in Russ.). DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41; EDN: YQQGVH.
8. Marin E. B. The structure of protest thinking and the idea of social protest among young people of generations “Y” and “Z” in the Far East and Moscow. *Vestnik instituta sotziologii*, 2022: 13(1): 86–107 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.776; EDN: WEZDKL.
9. Marin E. B. Youth protest moods in Primorsky Region (on the example of students). *Vestnik instituta sotziologii*, 2018: 9(3): 63–82 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.524; EDN: YWAGXB.
10. Parma R. V., Davydova M. A. Triggers of political mobilization of mass protests in social media of the Russian Federation and the Republic of Belarus in 2020–2021. *Vlast'*, 2022: 3: 97–105 (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v30i3.9045; EDN: UJJWYG.
11. Radaev V. V. Millennials Compared to Previous Generations: An Empirical Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 3: 15–33 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162518030029; EDN: YVQXQU.
12. Serkin V. P. O vozmozhnostyax metoda semanticheskix universalij E. Yu. Artemevoj [On the possibilities of the method of semantic universals by E. Y. Artemyeva]. *Vestnik MGU. Ser. 14. Psihologiya*, 2000: 2: 74–79 (in Russ.).
13. Yadov V. A., Klimova S. G. et al. Social'naya baza podderzhki reform i potencial massovogo protesta [Social base of support for reforms and the potential of mass protest]. In *Rossiya v global'nyh processah: poiski perspektivy* [Russia in global processes: searching for perspectives]. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, IS RAN, 2008: 85–101 (in Russ.). EDN: TZCRHT.
14. Almond G. A., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. SAGE, 1989: 379.
15. Davis J. A formal interpretation of the theory of relative deprivation. *Sociometry*, 1959: 22 (4): 280–296.
16. van Stekelenburg J., Klandermans B. The social psychology of protest. *Current Sociology*, 2013: 61: 5-6: 886–905. DOI: 10.1177/0011392113479314.
17. van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives. *Psychological Bulletin*, 2008: 134: 504–535. DOI: 10.1037/0033-2909.134.4.504.
18. Vitak J., Zube P. et al. It's complicated: Facebook users' political participation in the 2008 election. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2011: 14(3): 107. DOI: 10.1089/cyber.2009.0226.
19. Schwartz S. H. Are there universal aspects in the content and structure of values? *Journal of Social Issues*, 1994: 50: 19–45.

The article was submitted on: August 8, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egor B. Marin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of history, political science and state and legal disciplines; Associate Professor of the Department of psychology and education